

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCXXXIV

Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen Phraseologie

Коллективмонография

Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии

Коллективная монография

Отв. ред.

Харри Вальтер (Германия)
Валерий Михайлович Мокиенко (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Белоруссия), И.В. Кузнецова (Россия),
С.А. Савченко (Россия-Тайвань)

Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2020

Итак, нами были представлены основы многоаспектного анализа влияния русского лексического и фразеологического фонда (включая прецедентные тексты, жаргонизмы и лексико-семантические кальки) на современную украинскую разговорную речь как один из способов пополнения лексического и фразеологического состава украинского просторечия. Таким образом, констатируется тот факт, что под влиянием русской массовой культуры в самом широком спектре её проявления (от классической русской литературы вплоть до языковой игры в русскоязычной жёлтой прессе, языка музыкальной культуры и медиа-культурных развлекательных русскоязычных программ) формируется пласт современного украиноязычного обиходно-разговорного дискурса, включая фразеологический уровень. Русская фразеология и русские прецедентные феномены нередко становятся источниками пополнения украинского просторечия и разговорно-жаргонной фразеологической неологии, стилистически маркируя непринужденность и неформальность коммуникации.

Проникновению и возникновению подобных устойчивых выражений в украинском языке во многом способствует «переходный» русско-украинский языковой код – суржик, а также превалирующее русскоязычие в юго-восточных регионах страны и билингвизм на всей территории Украины. Подобные вставки, кальки, трансформации из русского являются яркими маркерами обиходно-разговорной украинской речи, просторечия, неформального общения, принижённого стиля и жаргона, ими заполняется некоторая лакуна данного пласта в украинском языке.

Елена Каировна Николаева, РГГМУ, Санкт-Петербург
elena_kairovna@mail.ru

Польские фразеологические кальки в русском языке (исторический аспект)

На примере памятника польской литературы 1599 года «Апофтегмата» – «*Krótkie a węzłowate powieści*» Беняша Будного показан один из продуктивных способов проникновения польских пословиц в русский язык в XVII-XVIII вв. (который мы можем изучать и демонстрировать благодаря письменной фиксации) – это переводные художественные произведения. Многие выражения из этого средневекового произведения оказались зафиксированы в современном сборнике «услышанных в живой речи» пословиц, собранных М.И. Соколовой.

Проблема польских заимствований в русском языке неоднократно становилась предметом интереса исследователей (см. работы Ст. Кохмана, В. Витковского, Л.П. Гарбуль, В.М. Тамань, В.М. Шетеля, Е.М. Иссерлин, В.М. Мокиенко и др.). В большей степени это касается лексики русского языка, в гораздо меньшей – фразеологии в широком понимании этого термина, т.е. включая и пословичный материал. Известно, что в XVII в.

польский язык был языком-посредником между русской и западноевропейской литературой. Польско-русские литературные связи были весьма обширны (Николаев 2008). И один из продуктивных способов проникновения польских пословиц в русский язык в XVII-XVIII вв. (который мы можем изучать и демонстрировать благодаря письменной фиксации) – это переводные художественные произведения. Вследствие языковой близости славянских языков многие переводчики переводили польские пословицы и поговорки буквально, иногда просто транслитерируя отдельные компоненты: *Людие суть яко очи: иных видят, себе же никакю; островиже севе вне дома, в дому же своем кротовы* (XVII в. рукописный сборник) – *Ostrowidzowie przed domem, w domu swoim kretowi własni* (NKPP II, 750). *Ляхи <...> притчу правят: нерядом Польска стоит*, (ср. *Nierządem Polska stoi* – NKPP II, 1005); *Чорт ли в титуле, Коли пусто в шкатуле* (Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 566) – *Co po tytule, kiedy пусто в szkatule* (NKPP III, 557). Иногда вследствие этого возникала межязыковая омонимия (омофония), ложные друзья переводчика. Так, Иван Новиков в своём произведении «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и скаски» (1785-1786) переводит пословицу *Jaki pan, taki kram* (букв. Каков хозяин, такова и лавка) как *каков пан, таков и храм*, ошибочно восприняв слово *kram* ‘лавка’ как ‘храм’ и разрушив тем самым внутреннюю форму пословицы (*каков поп, таков и приход*).

Дальнейшая жизнь подобных калек (и шире – заимствований) польских пословиц и фразеологизмов в русском языке различна: большая часть так и осталось на страницах произведений, но некоторые были приняты русским языком, зафиксированы в словарях и встречаются в произведениях других авторов. Я хотела бы остановиться на одном памятнике польской литературы 1599 года, который был очень популярен в России в XVII-XVIII вв. и сыграл определённую роль в формировании русского паремнологического фонда – «Апофегмата» – «*Krótkie a węzłowate powieści*» Беняша Будного. «Апофегматы» (греч. мн.ч. Апофегмата) – сборники светской повествовательной литературы, содержащие *апофегмы* – остроумные изречения, анекдоты, занимательные и нравоучительные рассказы о знаменитых людях античности и средневековья (Сазонова 1992, 94). Основу подобных сборников составляли краткие рассказы из трудов античных писателей и философов (Плутарха, Овидия, Сократа, Платона). Они были очень популярны в средневековой Европе, потому что являлись занимательным «чтением», развлекательным и одновременно поучительным. Особым успехом в восточнославянских странах пользовались «Апофегматы» Беняша Будного (переводчика, писателя, уроженца Литвы). Приводя случаи из жизни знаменитых людей Древней Греции и Рима, автор сообщал и их наиболее знаменитые изречения, а также густо насыщал комментарии к рассказам польскими народными пословицами. Впервые этот сборник был издан в Вильно в 1599 и только в первой половине XVII в. выдержал 11 изданий.

В России (как и в Белоруссии, и на Украине) «Апофегматы» распространялись и на языке оригинала (польском), и в переводах. В одной рукописи конца XVII в. сохранилась даже кириллическая транслитерация этого сочинения, предназначенная для тех, кто понимал польскую речь, но с трудом читал латиницу. Третий перевод Апофегмат (1711 г.) оказался первым печатным переводом, он был опубликован (по повелению Петра Первого) в 1711 г. в Москве и набран только что введённым гражданским шрифтом. В течение XVIII в. этот перевод выдержал 10 изданий, но продолжал распространяться и в рукописном виде. Судя по записям и заметкам на сохранившихся экземплярах произведения (рукописных и печатных), читателями «Апофегмат», как пишет Л.И. Сазонова (1992, 97), были дворяне, духовенство, купцы и даже крестьяне. Избранные апофегмы попали в «Письмовник» Н.Г. Курганова (1769), представлявший собой комплексное учебное пособие, литературную хрестоматию и своеобразную энциклопедию популярных знаний и потому ставший настольной книгой многих поколений русских. Популярность этого произведения подтверждает, например, и тот факт, что Стефан Яворской и Дмитрий Ростовский, известные культурные деятели России начала XVIII в., из этого произведения черпали изречения «для придания собственным писаниям той «элегантности», которая так ценилась у писателей европейского барокко» (Панченко 1973, 144).

Всё это доказывает, что этот памятник польской культуры был широко известен в России, влияние его на русский язык, в частности, на паремиологию могло быть (и оказалось) весьма значительным.

Приведу пример одного рассказа из Апофегмат:

«Лакедемончик вопрошен: почто взял жену зело малого возраста, рече: того ради, что от двою злу избирая, лучше избрах меншее зло. Сим показал: яко диво на свете жена добрая» (по публикации: Małek, Nikolajew 2012, 408).

В 2016 г. польская исследовательница Э. Малэк опубликовала небольшую монографию «Собрание 4291 древних российских пословиц и Апофегматы Беняша Будного», где доказала, что одним из важных источников этого сборника пословиц стал перевод с польского произведения Беняша Будного (Małek 2016). Каждая заимствованная паремия описана Э. Малэк в отдельной статье, которая включает в себя 1) собственно единицу; 2) библиографические ссылки на все три издания словаря «Собрание 4291 древних российских пословиц» и словарь И.М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи»; 3) текст апофегмы из Петровского перевода «Апофегмат»; 4) ссылку на Большой словарь русских пословиц (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010) (далее – БСРП) с информацией о наличии и паспортизации описываемой единицы в этом словаре:

Больше верь своим очам, нежели чужим речам

Барс. 1770 (1), 11; Барс. 1770 (2), 12; Барс. 1787, 9; Сн. 1848, 20.

Больше верь очам своим, неже сказке людской (вар. речам чужим). (Ап. 2) – из Сократа

БСРП 2010, 623 – есть ссылка на *Барс. 1770 (1); Сн.1848 и ДП 2, 132*. Приводится вариант **Больше (Болши) верь очам своим, неже речам чужим** со ссылкой на *Ап. и СлРЯ XVIII в. 3, 41* (в котором тоже цитируется издание Ап. 1716) (Małek 2016, 13).

Упомянутое собрание пословиц приписывается Павлом Симоном (а впоследствии и другие паремиологи-фольклористы согласились с этой атрибуцией) профессору Московского университета, известному грамматисту XVIII столетия А.А. Барсову (Симон 1899, VI). Отпечатано оно было в 1770 г. в типографии при Московском университете. Именно начиная с книги Барсова, можно говорить о многотиражных, а следовательно, более доступных для широкой публики сборниках пословиц. (Было бы неточным утверждение, что русский лингвистический мир до того момента был лишён материалов по пословицам и поговоркам, однако всё это были рукописные материалы, в ограниченном количестве экземпляров («Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту» (рукописный сборник XVII столетия. 2800 выражений); «Пословицы и присловицы, каковы в народе издавна словом употреблялися...» (рукопись начала XVIII века); «Пословицы, собранные В.Н. Татишевым» (рукопись до 1736 г.) и др.).

Э. Малёк обнаружила в собрании Барсова 65 пословиц, восходящих к «Апофегматам», точнее – к их переводу Петровского времени. Она сравнила их фиксацию в трёх изданиях словаря Барсова (как было отмечено выше) и в словаре И.М. Снегирева, который включил в свои «Русские народные пословицы и притчи» материал Барсова, и, что ценно для нас, составителей Большого словаря русских пословиц, проверила их фиксацию в БСРП.

Мы решили проанализировать эти единицы на предмет их дальнейшей жизни в русском языке, проверив, вслед за Э. Малёк, их фиксацию в различных паремиологических сборниках. По наблюдениям Э. Малёк, в БСРП не зафиксировано 6 единиц из собрания Барсова, однако проверка показала, что 4 единицы были включены в этот список ошибочно, т.к. они присутствуют в БСРП, хотя не во всех есть указание на словарь Барсова:

Глупый ищет места, а разумного и в углу видать (видно). Барс. 1770, 39; СлРЯ XVIII в. 3, 158; Сн. 1848, 69; Соб. 1956, 56; Рыбн. 1961, 69; Тан. 1986, 41⁵².

Не благородного человека дело, еже в очи кого хвалить, а за очи хулить. Апофегмата, 1; СлРЯ XVIII в. 6, 88.

Дурно в очи хвалить, а за очи хулить. Сн. 1848, 107 (в словаре Барсова

⁵² Список сокращений см. БСРП

фиксируется в такой же форме).

Завистливый сохнет и о том, когда видит счастье в ком. Сн. 1848, 130.

Доброта без разума – пустота. Сн. 1848, 97; Мих. 1, 250; Раз. 1957, 150; Спир. 1985, 76; Тан. 1986, 50.

А вот оставшиеся две пословицы действительно оказались пропущенными: С. 29. **Злых боюсь, что злы, а добрых которые с ними сообщаются.**

С. 35. **Лучше поткнуться ногою, нежели словом.** В БСРП: **Лучше ногой запнуться, чем (нежели) языком.** ДП 1, 325; Д 1, 615; Раз. 1957, 192; Спир. 1985, 154.

Ссылки на «Апофегматы» в БСРП, как отметила Э. Малэк, действительно весьма спорадичны, это понятно, т.к. составители словаря не привлекали в качестве источников художественные произведения, а указания на «Апофегматы» приводились по Словарю русского языка XVIII в. (1984-2004). И, наверно, напрасно не привлекали, ведь ссылка на это произведение даёт возможность, как справедливо пишет Э. Малэк, во многих случаях отодвинуть нижнюю границу появления паремии в русском языке на несколько десятилетий (Małek 2016, 55). Не случайно составитель монументального паремиологического труда – НКРР – Ю. Кшижановский включил «Апофегматы» в число источников своего словаря, и во многих случаях записи Б. Будного являются первыми фиксациями («печатными свидетельствами существования и употребления») (Małek 2016, 55) пословицы в польском языке.

Ряд пословиц из этого польского произведения XVI в. продолжает жить в языке, что доказывает их фиксация в разных собраниях (но лишь отчасти, т.к. составители часто включают материал предыдущих сборников в свои, и пословицы кочуют из сборника в сборник, не присутствуя в живой речи):

Закон как (что) паутина: шмель проскочит (пробьётся), а муха увязнет. *Тат. нач. XVIII в., 53; СлРЯ XVIII в. 13, 83; Сн. 1848, 132; Мих. 1, 14; ДП 1, 191; Д 1, 589; Ил. 1915, 110; Рыбн. 1961, 150; Тан. 1986, 60; Ан. 1988, 104.* В БСРП отмечено, что эта пословица фиксируется как минимум в 10 сборниках, однако почти не встречается в живой речи.

Но сборник «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» М.И. Соколовой уникален (2009). Материалы этого сборника не вошли в «бумажное» издание Большого словаря русских пословиц (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010), т.к. он был издан почти одновременно с БСРП. Но сейчас он уже расписан и включен в электронный вариант «Фразеологической трилогии». Это действительно уникальный сборник, составленный не профессионалом-фольклористом, а, если я правильно поняла из вступления к этому сборнику, геофизиком по образованию и специалистом, которая в 1956 году неожиданно увлеклась пословицами и до 1992 собирала их по всему Советскому Союзу (охватив Владимир, Суздаль, Ярославль, Калугу, Львов, Киев, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Кемерово, Татарск и ещё ряд мест). И собрала таким образом больше 24 000 пословиц. При этом М.И. Соколова записывала только

«услышанные в разговоре с людьми» (Соколова, 2009, 4) пословицы; т.е. в сборнике, по словам собирательницы, представлены пословицы, не выписанные из опубликованных источников, а услышанные в живой речи. Если исходить из этого утверждения, значит, зафиксированные в собрании М.И. Соколовой пословицы из «Апофегмат» сохранились не только в языке, но и в речи (хотя М.И. Соколова, вероятно, выписывает всё же некоторые пословицы из существующих словарей, например, из словаря В.И. Даля). Таких пословиц, восходящих к русскому переводу «Апофегмат» Б. Будного, оказалось в сборнике М.И. Соколовой достаточно много, причём чаще всего зафиксированных в той форме, которая встречается в «Апофегматах» (если есть отличия, то в списке приводятся варианты из словаря Барсова):

1. **Большому больше надо.** Сок., 189, 391.
2. **Большая мудрость самого себя узнать.** Сок., 248.
3. **Больше верь очам своим, чем речам чужим.** Сок., 183.
4. **Глупый ищет места, а умного везде увидят (и в углу видать).** Сок., 577.
5. **Глупому лучше молчать, чем много болтать.** Сок., 134.
6. **Деньги много могут, а правда царствует.** Барс. XVII70, 51; Сн. 1848, 88; СлРЯ XVIII в. 13, 50. **Деньги могут многое, а правда всё.** Сок., 428.

На эту пословицу обратила особое внимание Э. Малэк, указав, что в переводе этого фрагмента стихотворения Горация допущена ошибка: переводчик неправильно истолковал лексему *prawię* (почти), спутав её с существительным *prawo* (закон) в местном падеже. В сб. Барсова вошла форма из издания 1723 г. и закрепились в других паремиологических источниках (Małek 2016, 21).

7. **Доброта без разума пуста.** Сок., 170.
8. **Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает.** Сок., 217.
9. **Кто гнев свой одолевает, тот крепок (силен) бывает.** Сок., 147.
10. **Кто говорит, что хочет, тот услышит, чего не хочет.** Сок., 61.
11. В Ап.: **Лучше поткнуться ногою, нежели словом. Лучше ногой запнуться, чем (нежели) языком.** Сок., 507.
12. **На себя работать не стыдно.** Сок., 560.
(Ср.: **На себя работать никогда не грешно.** Тан. 1986, 94.)
На себя работать не скучно. ДП 2, 96; Тан. 1986, 94.)
13. **Не спрашивай у старого, а спрашивай у бывалого.** Сок., 386.
14. В Ап.: **Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна – вселенный круг. Рыбам – вода, птицам – небо, человеку – всё.** Сок., 75.
15. **Сам себя не хвали, и не хули.** Сок., 593.
Сам себя не хвали, сам себя не хули. Сок., 507.
16. **Хоть бы все законы пропали, только бы (б) люди правдой жили.** Сок., 433.
17. В Ап. : **Умерла та курица, которая несла золотые яйца (ответ Александра Македонского Дарию, царю персидскому, на требование**

дани). Умерла та курица, похоронила золотые яйца. Сок., 531.

18. Хоть бы все законы пропали, только б люди правдой жили. Сок., 433.

19. Счастье скоро покидает, а надежда – никогда. Сок., 321.

Удивительная вещь: изречения античных писателей и философов вошли в русский язык в XVIII веке посредством польского произведения XVI в. и не только фиксируются в сборниках русских паремий, но и продолжают жить в устной речи носителей русского языка.

Лев Михайлович Рязановский. СПбГУ, Санкт-Петербург
rjasanowski@mail.ru

К проблеме изучения заимствований из немецкого языка в русской фразеологии

В разделе ставится проблема заимствований в русской фразеологии из немецкого языка. В отличие от лексики, во фразеологии основную группу заимствований составляют кальки (*Übersetzungsentlehnungen, Kalkierungen*). Германизмы в русской фразеологии исследованы значительно меньше, чем галлицизмы, поскольку долгое время считалось, что французских заимствований намного больше, например, среди эквивалентных ФЕ-интернационализмов. Однако последние исследования показали обратное – немецких калек не меньше, проблема их изучения является актуальной. Анализируются в основном крылатые слова и демонстрируется процесс становления некоторых из них.

В отличие от заимствований в лексике, во фразеологии прямые заимствования (*Direktentlehnungen*), то есть прямой переход фразеологических единиц (ФЕ) из языка в язык не так распространены, как калькирование (*Übersetzungsentlehnung, Kalkierung*), когда переводятся компоненты выражений при сохранении их структуры (*Eckert, Günter 1992, 142*). Многие прямые заимствования перешли в русский и другие языки из латыни, например, оборот *ad graekas calendas* ‘никогда’, который часто использовался для дефиниции массы его немецких фразеологических синонимов в словарях (структурно-семантическая модель фразеологизмов с этим значением во многих языках является довольно объёмной, например, в немецком языке она насчитывает более 400 единиц).

Типичным примером калькирования является «главная» калька – *крылатые слова*, выражение *Geflügelte Worte*, которое Георг Бюхман вынес в название своего знаменитого словаря и тем самым определил целый класс устойчивых сочетаний, которые языки калькируют друг у друга. Значительную часть фразеологических калек в русском языке составляют заимствования из французского, имевшие место в XVIII-XIX вв.,